

Николай Иванович Рыжков

На острие проблем

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17378472
Рыжков Н.И. На острие проблем: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-83-1

Аннотация

Автор предлагаемых записок Н.И. Рыжков, известный политик и общественный деятель, читателям известен своими книгами, в которых он анализирует этапы жизни нашей страны и выражает свое мнение по многим социально-экономическим и политическим проблемам нашего общества. Его мнение по проблемам нашего государства актуальны и сегодня.

В предлагаемом материале он несколько отходит от свойственного ему стиля. Представленные в книге три интервью автора, характеризуют обстановку перестроечного и постперестроечного времени, дают понимание появлению политических миниатюр, помещенных в этой книге, и их содержанию.

Содержание

Обращение к читателю	5
Часть первая	7
Раскаты грома[1]	7
Время великих потрясений[2]	12
«Время собирать камни...»[3]	18
Часть вторая	28
Рождение политических миниатюр	28
2015 год	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Иванович Рыжков

На острие проблем

© Рыжков Н.И., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Обращение к читателю

Многоуважаемый читатель!

Позвольте выразить вам искреннюю признательность за ваше желание ознакомиться с этой книгой. Она, как отмечено издательством, написана несколько необычно, в стиле, позволяющем посмотреть на мою гражданскую позицию через эти политические миниатюры. В моей личной библиотеке есть много книг, здравствующих и поныне политических деятелей и ведущих экономистов, которые в одном случае славословили социализм, а сейчас с ненавистью забивают в него последний гвоздь.

На протяжении многих лет я отвечал на вопросы, которые беспокоили людей. Читатель может сделать из этой книги вывод о моей политической и социально-экономической позиции. Я прекрасно понимаю, что разрозненные мысли не дают полной картины, в том числе и о моем мировоззрении. С этой целью я опубликовал в этой книге, с согласия авторов, три интервью. Формально они были приурочены к моему 85-летнему юбилею и 30-летию начала перестройки.

Меня часто спрашивают, нужна ли была вообще «перестройка»? Размышляя о прошлом, я также иногда задавался этим вопросом, особенно учитывая трагический конец этого времени. Я не очень люблю слово «перестройка». Оно прилипло к периоду амбициозного политика Горбачева, придавая этому времени исключительно глобальный характер. Если же посмотреть на это слово в прямом смысле, то оно напоминает смену солдат в воинском подразделении. Что же говорит история по данному вопросу? В XVI веке в Европе началось социально-экономическое движение Реформации. Оно преследовало цель пересмотреть средневековую культуру и создать новые социальные отношения.

Я, как и много моих друзей, да и практически большая часть населения требовали реформирования многих элементов нашей жизни. Вот это и было основной задачей многих людей – примкнуть к движению реформаторов (преобразователей). Эти ряды заполнялись приглашенными со студенческой скамьи младшими научными сотрудниками институтов, где одновременно со штудированием материалов они впитывали в себя идеи зарубежного реформирования, особенно США. В то же время были и умные люди за рубежом (В.В.Леонтьев, Р. Гелбрейт, Д. Кейнс и т. д.), но был и М.Фридман, основу теории которого наши младореформаторы взяли на вооружение.

За мной уже было 25 лет работы на ведущем заводе нашей страны – Уралмаше, где я прошел путь от сменного мастера в замасленной спецовке до генерального директора этого гиганта. На этом прекрасном заводе я стал специалистом, крупным управленцем. Но самое главное он воспитал во мне великое уважение к людям труда, к их повседневной тяжелой работе.

Изменений в стране ждали все. Мы, представители реальной экономики, требовали изменений в экономической системе, так как жесткая плановая экономическая модель, сделавшая много в военный и после военный период, стала неэффективной. Интеллигенция на «кухне» рассуждала о свободе слова, свободе печати, о демократических основах жизни государства. Простой же народ, мирившийся годами с необходимостью отдавать все в первую очередь для обороны страны, «лишь бы не было войны», стал понимать, что мы очень сильно отстаем в социально-экономическом развитии (строительство жилья, дорог и т. д.). Безусловно, сыграла роль пропаганды, что на западе все полки магазинов забиты товарами и нет очередей. Все это сказывалось на общем политическом самочувствии простого народа, который хотел своих социальных изменений.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что общество было «беременно» реформами. Единственным, сказавшим об этом, был наш великий сатирик Салтыков-Щедрин: «Я сидел

дома и, по обыкновению, не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать».

После бурных лет перестройки в стране сложилось тяжелейшее положение. В одночасье было разрушено и похоронено все, что создавалось ранее. Единая страна – Советский Союз за одну беловежскую хмельную ночь прекратила свое существование. Работающие, в подавляющем большинстве специалисты, остались без средств к существованию и стали зарабатывать деньги как могли.

Власть валялась в грязи, но основной борец за нее не хотел, да и не мог руководить страной. Было уже давно замечено свойство Ельцина: он был силен в разрушении и не способен к руководству государством. Такое было в нашей истории в 1917–1918 г.г., когда большевики получили власть, но не знали, как ею распорядиться. Но им хватило разума отбросить идеологические принципы и призвать к управлению страной и армией сотни тысяч старых специалистов.

У нас же проводилась совершенно иная политика. Глубокие знания оказались на обочине жизни и даже более. Одна из активных представителей демократии, соратница Ельцина – Г. Старовойтова, даже вынашивала мысль принять закон о люстрациях, т. е. ввести запрет занимать определенные государственные должности лицам, которые неуютны правящим кругам. Но потом одумалась, ей подсказали, что первым в этом «черном списке» будет Б.Н. Ельцин.

Мое правительство, за редким исключением, испило эту чашу до дна. В бурные 1990-е годы многие из моих соратников не нашли себя, потеряли ориентир в жизни, не понимая, во имя чего они трудились на протяжении многих лет. Многие же пережили эти годы, их можно называть как угодно – «лихие» или «окаянные», как кому нравится. В этом пламене они закалились, стали более разумными и твердыми.

Я не посыпаю свою голову пеплом. Мы были первыми и этим все сказано. Пусть Всевышний даст оценку нашим деяниям.

Моя жизненная позиция часто не совпадает с мировоззрением многих людей моего возраста. Что лежит в основе этого? Противоречия, заложенные в нашей земной жизни? Недавно я прочел слова интересного философа: «В человеке есть некое беспокойное стремление, недовольство настоящим, которое нельзя удовлетворить ничем, что может предожить этот мир. Так просите – и дано будет; ищите – и найдете; стучите – и ответят, ибо Бог, которого мы ищем, сам ищет нас!»

Ваш Н.И. Рыжков

Часть первая

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ...
Н.В. Гоголь

Раскаты грома¹

О том, как проходил пленум ЦК КПСС, на котором лидером партии был избран Михаил Горбачев, в эксклюзивном интервью газете «Культура» рассказал сенатор Николай Рыжков, в то время секретарь ЦК.

Константин Черненко умер вечером 10 марта 1985 года. Так в стране закончилась «пятилетка катафалков». Как вы узнали об этом событии?

– Примерно около восьми вечера мне домой позвонил заведующий общим отделом ЦК Богомолов и попросил срочно приехать в Кремль, в здание, где проходили заседания Политбюро. Там уже было много народа. Мне сказали, что генсек скончался. Смерть его не стала неожиданностью. Он был больным, малоработоспособным, пребывал в апатии...

– Никогда не мог понять: зачем такого нездорового человека выбрали на столь ответственный пост?

– Согласен, это изначально было большой ошибкой. Я не знаю, как так вышло после смерти Юрия Владимировича Андропова. Могу только догадываться – тогда в Политбюро были пожилые люди определенной закалки и взглядов, и эта гвардия не очень хотела перемен.

– В принципе, еще до официального избрания Горбачева страна уже наполнилась слухами, что именно он будет «генеральным». Ведь не секрет, что им становился тот член Политбюро, кому поручалось возглавить комиссию по организации похорон предшественника.

– Правильно. В тот вечер, по предложению Андрея Андреевича Громыко, было принято такое решение – об организации похорон. На следующий день назначили заседание Политбюро. В этот орган тогда входили 12 человек, плюс еще 7 кандидатов в члены Политбюро. Также были приглашены и секретари ЦК, в том числе я. Всего человек 25–30. Ну, а потом состоялся пленум. Он проходил в Кремле – там для этого была специальная комната, около сорока квадратных метров, и еще одна такая же для приглашенных. Между ними находился большой зал заседаний.

– А буфет?

– Буфета не было. Этажом ниже находилась столовая, и в перерывах все дружно туда спускались.

– Как происходило заседание?

– После того как Политбюро принимало решение, приглашенных просили пройти в зал, а члены Политбюро шли им навстречу, здоровались за руку. Со стороны это напоминало приветствие двух футбольных команд. Тогда действовало неписаное правило – новый генсек должен быть обязательно избран еще до похорон предыдущего. Мы, секретари ЦК, как и приглашенные, ждали недолго – полчаса, не больше. Громыко сообщил нам решение об

¹ Использовано интервью для газеты «Культура» «Горбачев и Ельцин страдали чрезмерными амбициями» от 17 марта 2015 года журналисту Тополь С.С. с его согласия.

избрании Михаила Сергеевича на пост генерального секретаря партии и попросил проголосовать за его кандидатуру.

– *Других предложений не было?*

– Нет.

– *Все были «за», никто даже не воздержался?*

– Голосования как такового не было. Просто все единодушно согласились с предложением Громыко. После этого собравшихся охватила всеобщая эйфория – я не помню, чтобы кто-то выражал неодобрение.

– *Но ведь на кресло генсека могли претендовать другие члены Политбюро. Например, ленинградский первый секретарь Григорий Романов...*

– Не знаю. Может, кто-то и хотел бы, я к ним в душу не заглядывал, но существовал определенный расклад политических сил. А Романова, кстати, я хорошо знал. Познакомился с ним, когда руководил Госпланом, позже мы оба в ЦК работали. Он приезжал ко мне в Госплан по хозяйственным делам. В том числе по вопросу возведения в Финском заливе защитной дамбы от наводнений. Сколько тогда копий из-за этого строительства было сломано, двадцать лет строили. И вышло, что не зря, очень она помогла городу.

– *Ну, так что Романов? Потянул бы «генеральным», как по-вашему?*

– Если честно, у него не та весовая категория была.

– *А кто считался тяжеловесом?*

– Гейдар Алиев, Владимир Щербицкий, Виктор Гришин, наконец...

– *Тогда почему же не они?*

– Ну, там работа шла целый год, если не больше, и началась она еще при Андропове, который понимал, что стране нужен молодой энергичный руководитель. И, судя по всему, поручил эту работу Громыко, который очень грамотно ее провел. Сам он на это место не претендовал. Очень устал – в течение многих лет работал безостановочно, как челнок.

– *А вы на кого бы поставили? Если бы от вас это зависело?*

– Пожалуй, на Щербицкого. И Алиев бы мог... Хуже уж точно не было бы. Может быть, и Союз удалось бы сохранить.

– *Как Горбачев принял свое назначение?*

– Вида не показывал, но чувствовалось, что очень доволен. Его надо было хорошо знать. А я знал – целый год готовил с ним материалы к его знаменитому докладу на пленуме ЦК о начале перестройки. Так вот, еще при Черненко, по той или иной причине – чаще из-за нездоровья Константина Устиновича – Горбачеву приходилось замещать его как председателя на заседаниях Политбюро. Но официально на эту должность его несколько месяцев не утверждали. И Горбачев очень переживал – было заметно. Он даже мне жаловался как-то...

– *Амбициозен был?*

– Да. Очень.

– *Это правда, что к моменту избрания Горбачева были заменены многие руководящие партийные кадры на местах?*

– Да, Егор Кузьмич Лигачев вел планомерную работу по замене кадров. По поручению Андропова набиралась команда единомышленников. Но после смерти Леонида Ильича Брежнева было непонятно, куда повернет страна. Тогда, придя к власти, Андропов поручил М.С. Горбачеву, В. И. Долгих и мне, только что избранному секретарем ЦК, готовить реформу. Стали разбираться с экономикой. Когда началась перестройка, наши материалы оказались востребованными. Кстати, Горбачев никогда не отрицал, что готовить материалы к «перестроечному» пленуму (23 апреля 1985 г. – «Культура») помогал ему я. Когда генсеком стал Черненко, все изменилось. Он как-то индифферентно отнесся к нашей работе. Говорил, что мы несем чепуху. Работать не запрещал, но и интереса к этой работе не испытывал. Я

даже подумывал вернуться в Госплан. Поговорил об этом с Горбачевым. Он сказал: потерпи, не горячись. Он все знал о здоровье Черненко через спецслужбы.

– *Они на него работали?*

– Ну, и на меня тоже – для этого они и были созданы. Только у нас интересы были разные. У него политика, у меня экономика, социальная сфера, что за рубежом делается по этим направлениям.

– *Но вернемся к избранию Горбачева...*

– Говорить, что он абсолютно случайно попал в генсеки, было бы наивно. Но что толкнуло Громыко помогать ему? Можно только догадываться. Андрей Андреевич был очень жесткий человек. Недаром его на Западе прозвали «господин Нет». Он, наверное, не без оснований говорил, что Америку знает лучше, чем сами американцы – что она признаёт только силу (*показывает сжатый кулак*). Все остальное, по его словам, – пустые разговоры. Был твердо уверен, что если будем сильными, Америка станет с нами разговаривать, дадим слабину – не станет. Оказался прав.

– *А когда вы поняли, что перестройка начинает буксовать?*

– Когда объявили антиалкогольную кампанию. Мало того, что бюджет страны недо- считался 62 миллиарда рублей, так самое главное – партия потеряла доверие народа, исчезло доверие к власти.

– *Врачи говорят, зато здоровых детей стало больше рождаться.*

– Может, и так, но именно тогда народ с водки переключился на бутерброды с гуталином и клей. Начал гнать самогонку. Никто этого не ожидал. Я тогда предложил выдавать сахар по карточкам. Вот что я Вам скажу. Вообще-то, в отличие от Андрея Андреевича Громыко, Америку я знаю плохо – был там всего два раза. Первый – очень давно, когда работал директором завода. Тогда поразило, что американцы начинали пить алкоголь уже за ланчем. Середина дня – а мужики еле на ногах держались. А потом я попал в Америку через 25 лет – другая страна, страна трезвых. Пропаганда сделала свое дело, вбила в головы, что пить вредно. Вот и нам нужно было так поступить, а не рубить сплеча. Ведь был же перед глазами мировой опыт.

– *В антиалкогольной кампании обвиняют Горбачева, но придумал-то ее Лигачев?*

– Да, это так.

– *А как получилось, что одновременно с водкой исчезли еще и табак, и продукты?*

– За это спасибо надо сказать «прорабам перестройки» – таким, как Гавриил Харитонович Попов и Анатолий Александрович Собчак, мэрам. Все делали, чтобы было плохо.

– *Говорили, что составы с продовольствием на подъездах к столицам специально притормаживали? Неужели правда?*

– Правда. Но специально или нет – не скажу. Вот еще пример «разумного хозяйствования». Ельцин одновременно поставил на ремонт 16 из 18 табачных фабрик. И сразу возник дефицит с куревом. У него спрашивают: ты чем думал? Он молчит.

– *Да, это экономические просчеты. Но вряд ли именно они привели к развалу СССР. А были ли ошибки в других сферах – кадровой, национальной политике?*

– К сожалению, и такие были. Одна из них – замена первого секретаря компартии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева на Геннадия Васильевича Колбина. Это была очень серьезная ошибка Горбачева. Всегда первым в национальных республиках был местный кадр, а русский – вторым. Эта замена привела к росту националистических настроений в этой республике, следом – в других, в итоге такие настроения привели к распаду СССР. Ну, не только они, но и они в значительной степени. А прежде никто об этом и не думал.

– *А разве Колбин не мог отказаться от этого назначения?*

– Теоретически мог, конечно. Но ведь существовала партийная дисциплина.

– *В конце 80-х начался процесс по «разводу республик»...*

– Все нами было рассчитано, расписано, что кому отходит, кто с чем пришел, кто с чем уйдет. На «развод» отводилось пять лет. Но этим не терпелось. Все за 500 дней хотели сделать. Вот теперь и расхлебываем.

– *А как произошло, что шельф Берингова моря с крупными рыбными запасами отошел американцам? Я имею в виду соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств, это мы переносимся уже в 1990 год. Наш парламент, в отличие от конгресса США, не ратифицировал документ...*

– Тут нужно сказать спасибо покойному Шеварднадзе. Это еще одна ошибка Горбачева, назначившего его министром иностранных дел. Нам по договору с США отошли самые глубокие районы, где даже микробы не водятся. А американцам отдали задарма самые рыбные места. И несмотря на то, что мы не ратифицировали договор, нас на эти участки до сих пор не пускают... У меня с Шеварднадзе не очень хорошие отношения были. Я ему не верил, хотя он клялся в любви к Горбачеву и архитектору разрушения страны Александру Николаевичу Яковлеву, но при удобном случае бросил их...

– *Как у вас складывались отношения с Ельциным?*

– Он же мой земляк. Знакомы еще с 1969 года. Он строил панельные дома в центре Свердловска, а я руководил «Уралмашем» на отшибе. Мы с ним никак не соприкасались – у нас свои строители были. Как-то раз мой приятель, одно время мы с ним вместе работали, он потом по комсомольской линии пошел, предложил позвать в нашу компанию на какой – то праздник, уже не помню, какой, Ельцина с женой. Сказал, что нормальный парень. Я согласился. Так и познакомились... Сначала он вел себя скромно. А потом когда Якова Петровича Рябова, первого секретаря Свердловского обкома, перевели в Москву, в ЦК, Ельцин занял его кресло и сразу же стал пить. Эта его слабость не была секретом. Например, Владимир Иванович Долгих обращал на это внимание Лигачева, когда тот хотел Ельцина в Москву перевести, не рекомендовал это делать. Ельцин, когда напьется, глупо выглядел, становился самовлюбленным. Мог кого угодно грубо оскорбить. И тоже страдал амбициями – рассчитывал не просто в Москву, а сразу секретарем ЦК. Не строитель он был, а по характеру – разрушитель. Создавать что-либо был не способен.

– *А как получилось, что варяг московских коммунистов возглавил?*

– Дело было так. Как-то вечером сижу у себя в кабинете на Старой площади. Звонит Горбачев. Говорит, если не занят, зайти. Ну, наши кабинеты в одном коридоре. Пришел – он сидит с Лигачевым. Спрашивает, как я отношусь к тому, чтобы на Москву вместо Гришина поставить Ельцина. Я чуть не упал. Вы что, серьезно, говорю? Вы, что, его еще не раскусили – ему только гвозди кувалдой в бетон забивать. А это все-таки Москва, культурный город. Считаю это ошибкой. К тому же он сильно пьет – вы же его не на председателя колхоза рекомендуете. Лигачев спрашивает: что, больше Рябова пьет? Тут я разозлился. Спрашиваю: помните, его с совещания по экономике двое под руки выводили? Лигачев на это говорит: «Ну, так это он две ночи не спал – готовился, устал». Ну да, устал, говорю, это к нему земляки приехали, и они с вечера до пяти утра гуляли. В общем, вы меня можете не слушать, но я вас предупреждаю: придет время, и он вас так подведет, что будете локти кусать. А на Политбюро я буду молчать. Делайте, что хотите. Потом Горбачев признался, что я их предупреждал, а они меня не послушали. Когда многие поняли, каков Ельцин на самом деле, были предложения послать его послом куда-нибудь. Но это уже без меня. После того, как у меня случился инфаркт, Горбачев отправил меня в отставку.

– *И после этого с Горбачевым не виделись?*

– За 25 лет всего два раза. Первый – на каком-то приеме у китайских товарищей. Уговорили меня прийти, сам я эти тусовки не люблю. Ну, встретились, чай пьем. Он мне и говорит, что хочет Ельцину пожаловаться: на НТВ гласность, понимаешь, зажимают... На что я ему ответил: надо прежде деньги Гусинского посчитать. Где взял, сколько, чем отдавать

собирается. Он задумался. А второй раз еще где-то лет через десять встретились. Опять он на что-то жаловаться начал. Я человек заводской, все словесные выверты знаю, но стараюсь не употреблять, а тут не удержался, выдал ему анекдот. Приходит Иван домой и требует бутылку: праздник у меня сегодня – я в профсоюз вступил. На что жена отвечает – вечно ты во что-то вступаешь, то в профсоюз, то еще во что-нибудь...

Время великих потрясений²

Бывший председатель Совета министров СССР Н. Рыжков о том, как начиналась перестройка

– Тридцать лет назад, в марте 1985 года, к власти в СССР пришел Михаил Горбачев. Спустя месяц после своего назначения на пост генерального секретаря, он, подражая Ленину, озвучил знаменитые «апрельские тезисы», от которых принято вести начало перестройки. Свой взгляд на события 30-летней давности высказал «Ленте. ру» член Совета Федерации Николай Иванович Рыжков, занимавший с 1985 по 1991 год пост председателя Совета министров СССР.

– *Как вы оценивали перестройку в 1985-м? И сильно ли изменилось у Вас к ней отношение сейчас?*

– Во-первых, я не был в восторге от слова «перестройка». Дело в том, что слово это не новое, оно было еще у временного правительства Керенского, но журналисты подхватили – и понеслось. Мне больше нравится определение «реформы». Сначала я был категорически за реформы, даже был одним из их инициаторов, потому что мой жизненный опыт и работа на заводе, в министерстве и ЦК партии показали, что мы исчерпали возможности той экономической модели, в которой жили до войны, в войну, после войны. Жесткая плановая система была крайне необходима – без этого мы бы немца не победили, мы никогда не восстановили бы народное хозяйство. У кого-то, конечно, забирали, но кому-то отдавали – это естественно. Но позже многие, и я в том числе, стали считать, что эта система исчерпала сама себя – она была сильно забюрократизирована. Сколько рабочих надо держать, сколько основных, сколько вспомогательных, сколько инженеров, сколько техников, подсобных работников, уборщиц? У меня 52 тысячи работающих было на заводе... Поэтому мы очень настойчиво писали, что надо что-то делать. До меня и Горбачева уже были попытки реформ, например Алексея Николаевича Косыгина (председатель Совета министров СССР с 1964 по 1980 год. – *примеч. «Ленты. ру»*), который, кстати, для своего времени неплохо поработал. То, что он делал, – это огромный прогресс, его нельзя ни в чем упрекать, и надо отдать ему должное: он был впереди своего времени. Потом еще была попытка после Косыгина – спустили на тормозах ее. Меня в группу для разработки реформ включил Юрий Владимирович Андропов. Наша команда (Горбачев, Долгих и Рыжков) использовала те документы и идеи, которые накопились. Вот так в апреле 1985 года Михаил Сергеевич Горбачев выложил на стол для выступлений программу действий, над которой мы трудились три года.

– *То есть вначале вы положительно относились, участвовали в подготовке реформ, а что же стало поворотным пунктом?*

– Я поддерживал Горбачева до 1987 года, после наши пути разошлись. Благодаря торопливости, непродуманности и болтливости Горбачева и иезуитским методам «архитектора разрушения» Александра Яковлева перестройка провалилась. А раскол между нами произошел в 1987 году, когда мы подводили итоги работы (проводили эксперимент по министерствам с разными особенностями) и увидели, где хорошо, а где плохо. Стали думать, что делать дальше. Горбачев вместе с Шеварднадзе, Яковлевым, Медведевым готовили доклад в Волынском.

– *Это в Матвеевском, где дача Сталина?*

– Да. Я тот доклад не готовил. Горбачев позвонил мне, мол, приезжай, посмотри тут тезисы, надо бы определиться, с чем выступать. Со мной поехал секретарь ЦК Слюньков,

² Использовано интервью «При всем неуважении к Горбачеву, он не хотел разрушить страну» от 19 марта 2015 года А.С. Сочневу, с согласия «Лента. ру».

член политбюро по экономике, и стали мы все обсуждать пункт за пунктом. Они предложили нам включить в доклад Михаила Сергеевича на апрельском пленуме вот такой тезис – уйти от детального планирования. А значит никакого строительства жилья, детских садов, клубов...

– *Взамен плана что предложили?*

– А ничего! Мол, рынок сам все это отрегулирует, он сам заставит нас что-либо делать. Я взвился и категорически говорю: «Что вы делаете? Вы же погубите страну, страна абсолютно не готова!» Представьте, мне всю жизнь показывали, что надо делать, и вдруг все вычеркнули и говорят: иди, ищи! А чтобы искать, надо год-два ходить еще! Давайте какой-то переходный период. Например, хотя бы на 50 процентов будем давать предприятиям госзаказ, а на 50 процентов пусть ищут заказы на стороне. По крайней мере, завод будет работать.

– *А они что?*

– «Нет». Надо, чтобы сразу вот это все. В общем, тяжелейший разговор был. Я говорю: а как же жилье, детские сады? «Ну рынок же вездесущий, он везде потребует, и так далее». В общем, старая либеральная песня. То есть они предлагали сделать то, что со 2 января 1992 года Ельцин сделал.

– *То есть шоковую терапию и все остальное?*

– Да, все в точности они предлагали. И я сказал, что я категорически против всего этого дела.

– *Они без вас не могли решить?*

– Могли, почему не могли. Я им сказал: «Пожалуйста, если вы считаете, что планирование не нужно, то отменяйте это все и не будет ни школ, ни детских садов. Но вы же помните, Михаил Сергеевич, что на съезде мы с вами оба выступали: вы политический доклад делали, а я экономический. И я обо всем этом говорил и все зафиксировал, сколько жилья, сколько чего запланировано построить. Хотите что-то убрать – собирайте съезд, даже пленум не в состоянии этого сделать, потому что съезд утвердил». И я сказал ему: «Михаил Сергеевич, вы не получите поддержки с этим».

– *Таким образом, отложилось все это до 90-х?*

– Да, на 1992 год. И на политбюро все эти вопросы попадали, и тогда политбюро не очень хорошо проходило, некорректно – хватили за грудки друг друга. Вы знаете, что никаких рамок металлоискателей на политбюро не было? Приходили люди, сидели-слушали, а потом выходят и говорят: они же дерутся там, кто нами руководит? И у меня на душе было очень беспокойно, я позвонил Горбачеву и предложил встретиться один на один. Встретились в субботу в 11 утра, и я говорю ему: «Михаил Сергеевич, я буду свою позицию занимать – будут меня бить, убивать. Я ее держусь осознанно, потому что понимаю, что по-другому нельзя. Считаю, что если мы отойдем от этой позиции, мы погубим страну. Страна не готова». И так мы много раз разговаривали, иногда по три раза в день встречались (тогда же не было объявлений, что такой встречается с таким). В очередной раз я ему говорю: «Я последний раз к вам пришел, или давайте найдем общий язык в работе, или я ухожу. В такой обстановке работать не буду, зачем мне выслушивать оскорбления в мой адрес?»

– *Тогда вас начали называть «бревном на пути перестройки»?*

– Да, как раз после этого. Я ему сказал: «Или вы идете по пути нашей концепции, или остаетесь с Шеварднадзе и прочими – они ржавого гвоздя не выправили в своей жизни, а берутся управлять страной». В общем, он сдался. Но трещина все равно уже была. И вот именно тогда я заколебался в отношении перестройки, которая затевалась.

– *Я встречал мнение историков, что Андропов совсем не такие реформы замыслил, которые осуществил Горбачев. Вы, как человек, который непосредственно в разработке этих реформ участвовал, скажите, какие из них были действительно задуманы при Андропове, а какие – результат влияния Яковлева, Шеварднадзе и того же Горбачева?*

– Мы действительно стали работать по заданию Андропова, меня избрали 22 ноября 1982 года (секретарем и заведующим экономическим отделом ЦК КПСС – *прим. «Ленты.ру»*), через две недели он пригласил Горбачева, Долгих и меня. Субординация была достаточно жесткая: один член политбюро, один кандидат в члены и я, секретарь. И мы начали работать. Андропов – своеобразный человек, сейчас про него много пишут, я считаю, что даже слишком много пишут. Одни говорят, что он еврей был, другие – русский, но это неважно. Да мы никогда и не задавались вопросом, кто какой национальности, главное было, кто как работал. Но то, что он до мозга костей политик – это да. Он быстро схватывал принципиальные экономические вопросы, ему не надо было разжевывать. Например, звонит он мне по прямому телефону и говорит: чем занимаешься? Работаю. Ну, подходи. Это значит, что у него время освободилось – беру папку и иду к нему. А он мне говорит: оставь папку, и начинает меня гонять по вопросам: что у нас в стране с концессиями делается? Да по моему, ничего не делается. А что вы про это знаете? Ровно то же, что и все, что в школе проходили. Знания у тебя не очень. Помолчал и добавляет: у меня тоже, давай, иди и изучи этот вопрос и приходи снова ко мне. Я пришел к своим в аппарате и говорю: ищите, какая литература по концессиям есть. Через день нашли в Ленинке, женщина какая-то защищала по этой теме работу.

После того как он уже умер, и я эти пять лет прожил и ушел в отставку, появилось время подумать, и я все больше приходил к выводу, что Андропов бы проводил в стране мягкие реформы, а не как Горбачев с Яковлевым. Андропов был знаком с основами китайского варианта реформ. Если бы он дольше прожил, у нас по сути получился бы Китай.

– *То есть если бы Андропов жил дольше, реформы прошли бы успешнее, и удалось бы сохранить Союз? А при Горбачеве была возможность сохранения Союза?*

– При «раннем» Горбачеве страна уцелеть могла, при «среднем» – трудно, но могла, но при «позднем» – конечно, не могла. Понимаете, «поздний» Горбачев – как больной палач. Кризис – это что такое? Один после него выздоравливает, а другого – ногами вперед. Я не думаю, что Горбачев старался развалить Союз, это же тогда надо быть идиотом полнейшим. Ситуация сложилась такая, что он своими действиями – публикациями и прочим – к этому привел. А вначале, когда он только начал проповедовать, он мог сохранить Союз. Первую половину его деятельности при всех его недостатках (словоблудие, славословие, шапкозакидательство – это всегда у него было) мы были довольны тем, что он новый человек – сколько же можно старых. Но после 1987 года пошла трещина, и она больше не сходилась никогда. И этим воспользовался Ельцин.

– *А андроповское мягкое реформирование, если бы он остался жив, какой срок должно было занимать?*

– Понимаете, Андропов был ярый коммунист, у него никаких сомнений не было. Поэтому он не делал того, что наделал Горбачев. Этот же всегда боролся с партией вместе с супругой своей. Но при всем неуважении к Горбачеву – не хотел он разрушить страну, не хотел. Он просто к этому привел своими дурацкими действиями. У него закружилась голова, когда кричали «Горби-Горби», а когда он увидел, что кризис наступил и надо определяться, что дальше делать... пропили всю ночь и подписали, что полагается. Ошибка у Горбачева еще такая была: всегда начинали с экономики, вопрос о партии и государстве не стоял.

– *Вы предвосхищаете мой следующий вопрос: зачем разваливать систему, если речь шла только об экономике?*

– Да, нужно было дать новый ветер парусам, но Яковлев все время насаждал противоположные ценности: эта партия – не пойдет, это правительство – не пойдет, экономическое поле, то есть реальный сектор, – не пойдет, значит надо ломать все. Горбачев еще десять дней был в Канаде, думаю, его хорошо обработали там. Вместо того чтобы ломать только экономику, найти фундамент и строить новую экономику, мы пошли на слом всего и вся. Ни

одна страна мира не идет на реформирование экономики, если у нее нет сильного государственного управления.

– *Так сколько лет должны были длиться мягкие реформы Андропова?*

– Это один из вопросов, которым меня клевали тогда. Вы помните злополучные «500 дней»?

– *Да, конечно, это известная экономическая программа того времени.*

– Так вот, это – великая дурость. Когда я формировал правительство, кажется, это был 1987 год, я повел так: мне нужны были министры, которые знают хорошо старую систему и которые подхватили бы на себя все сегодняшнее, затем министры, которых я знаю как прогрессивных людей, и мы создали тогда комиссию во главе с академиком Леонидом Абалкиным, 50 человек было в этой комиссии. И они работали где-то месяцев пять в «Соснах», в доме отдыха, я туда каждую субботу приезжал, работал, обедал и уезжал. Через день они отрабатывали все, что мы наговорим, и приезжали вечером в Совет министров часов в семь, и мы уже здесь часов до девяти-десяти все смотрели, готовили постановления. В нее входило много известных ученых – экономистов, производственников (Евгений Ясин в эту комиссию тоже входил, который теперь в Высшей школе экономики, Станислав Анисимов, Петр Кацура, Степан Ситарян, Геннадий Меликян, тот же Станислав Шаталин и другие).

– Был у меня тогда помощник, инженер Владимир Лукьянович Саваков, он работал с комиссией постоянно. Так вот, сидим мы как-то вечером, устали, как собаки, и он говорит: Николай Иванович, вот есть еще «Программа действий “400 дней”». Я говорю: «Что за “400 дней”?» Он отвечает: «Хотят за 400 дней сделать все те реформы, что мы разрабатываем». Я говорю: «Володя, иди ты с этим, чего дурака валять?» Короче, послал его подальше. В этой программе была глупость: изменение форм собственности, например, предлагалось провести на сотый день, в то время как не было ни соответствующих законов, ни постановлений. Говорилось, что если в стране будет особое положение, то надо будет развернуть на улицах полевые кухни. Среди разработчиков были Алексей Михайлов и Михаил Задорнов. Я прочел ее и забыл.

– *А Григорий Явлинский?*

– Явлинского сначала среди них не было, он работал у нас в комиссии Абалкина. Потом однажды приходит ко мне и говорит: «Николай Иванович, я хочу доложить вам, что меня назначили заместителем председателя Совета министров РСФСР по реформированию». Я ему говорю: «Улетаешь из гнезда, Григорий? Соглашайся, конечно. Надо идти, это повышение, но учти, если вы не пойдете вместе с нами в части реформирования, мы все погубим, ты же знаешь про все эти “дни”». Он пообещал, что будет работать совместно. Но, как известно, все пошло наоборот.

– Мы хотели, чтобы замом Ельцина стал наш человек – Лев Воронин, но они выбрали своего – Ивана Силаева. И тогда выступал Михаил Бочаров, директор небольшого кирпичного заводика, он вышел с этой программой, только она уже называлась «500 дней». Они с ребятами там что-то переписали, пересчитали и вышло уже на 100 дней больше. Его, конечно, погнали и раскритиковали, но после этого программа начала жить и стала не просто программой, а политическим манифестом. Представьте, я предлагал провести реформы за 6–8 лет, а они говорят: «Зачем так долго? За два года все сделаем». И все вокруг нее закрутилось, я до сих пор не понимаю, что это было? Может, влияние Солнца, помните, как писал Чижевский: «И вновь взошли на Солнце пятна, и омрачились трезвые умы».

– *Может быть, дело в том, что народ требовал перемен здесь и сейчас, а не через восемь лет, а они отвечали на этот вопрос?*

– Народ же был думающий, нет, конечно, дело было не только в этом. Все тогда стали какие-то сумасшедшие, потом поостыли и снова стали нормальные. Может, действительно дело в каких-то пятнах на Солнце.

– Я выступил на сессии Верховного совета, предложил три варианта: быстрый с большими потерями, средний, также с большими потерями, и наш вариант за 6–8 лет, он был тоже не без потерь и рисков, но значительно меньших. Любые реформы ведут к тем или иным потерям. Пошла политическая возня. Ельцин, конечно, ничего не читая, начал критиковать меня.

– *Почему вы думаете, что он не читал программы?*

– Я не знаю, прочитал ли он в детстве «Муму», я был бы удивлен. Программы он не читал, там было 480 страниц, маленькая программа. Он начал критиковать: «Рыжков консерватор, надо за 500 дней, а он предлагает 8 лет, куда он нас тянет?» И понеслось: про бревно, про то, что я «вставляю нож в спину». У меня до сих пор хранятся плакаты: «Бревно на пути перестройки», «Правительство Рыжкова – это правительство нищеты».

– 25 декабря 1990 года я перенес обширный инфаркт и меня увезли на лечение. А где-то 12 января 1991 года у меня была встреча с Горбачевым один на один.

– Поговорили о делах, я ему сказал: «Вы видите, что творится? Я официально вам заявляю, что кончится съезд, и я ухожу, больше работать не буду. Я наработался, я год с трибуны не выходил, целый год я защищал страну, а меня все это время мордовали! Уважаемый генеральный секретарь, газеты у нас в стране – орган ЦК КПСС, а они меня истязают. Я же коммунист, почему они это устраивают, почему вы молчите? Меня обзывают уже как хотят, осталось только гомосексуалистом назвать. Зачем это все устраивает Вадим Медведев (возглавлял идеологическую комиссию ЦК КПСС. – примеч. *«Ленты. ру»*)? Дурак же он! Ну, уйду я, поставьте Вадима, пусть он поработает!» Горбачев замаялся и сказал только: «Может, он ничего и не знает, зато книги пишет». Я рассмеялся: «Перестаньте, Михаил Сергеевич, какие он пишет книги?» Потом я ему сказал, вам будет тяжело, смотрите, сейчас есть треугольник: Ельцин – Горбачев – Рыжков. Сам Ельцин недалекий человек, но у него хорошие помощники, и они прекрасно понимают, что пока мы вместе, с нами тяжело бороться. Как только меня не будет, вы один на один останетесь с ними, и я вам не завидую.

– *Как он отреагировал?*

– Начал успокаивать: «Ну что ты нагнетаешь, это не так», и т. д. Я решил уйти окончательно. Недельку работал над последним своим выступлением, подвел в нем все итоги. Первое, что я сказал: «Перестройка в том виде, как она задумывалась – не состоялась». По залу пошел шум. До этого никто такое не говорил, все были уверены, что она идет. Потом я сказал, что идет наступление не на правительство Рыжкова, а на страну, на развал страны. Я не пророк, но посмотрите, 25 декабря меня увезли в больницу с сердцем, и ровно через год 25 декабря 1991 года спустили красный флаг, когда Горбачев отрекся от поста.

– *Ваше отношение к ГКЧП, что это было? Попытка переворота или провокация, которой воспользовался Ельцин?*

– Я был далек от этого, да и меня никто не звал туда, хотя я был хорошо знаком со всеми участниками комитета. Поэтому я буду говорить как человек, смотрящий со стороны, тем более я бы не хотел никого из них обижать. Так вот, все это было какое-то детство. Несерьезно. Сослагательных наклонений в истории нет, но давайте представим, что если бы эти люди по-настоящему, серьезно думали, они бы так не поступили. Они ввели танки, все помнят, как девчонки сидели у танкистов на коленях и на броне машин. Ну что это такое? Дурь все это.

– Я знаю, что в это время Ельцин был в Казахстане и хорошо там поддал, говорит: «Я останусь тут ночевать». Но там были умные люди и начали его выпроваживать. Тогда он зашел на трап, обернулся и вдруг говорит: «А куда я прилетел?» Он был здоровый мужик и много мог выпить. Казалось, он прилетел, поехал на дачу, ну арестуй ты его, кто тебе будет мешать? Группа КГБ сидела в кустах и смотрела, как пьяный Борис приехал отсыпаться домой.

– *То есть вы считаете, что арест Ельцина был возможен?*

– Слушайте, у ГКЧП был весь КГБ в подчинении, глава КГБ Крючков входил в комитет. Эта служба тогда была на уровне... Господи, они даже знали, кто с кем в постели лежит. Они все знали и все могли, были там люди, способные разработать план. Да, было бы сложно, но возможно. У меня был друг Войцех Ярузельский (глава социалистической Польши. – *примеч. «Ленты.ру»*), последние годы мы потеряли друг друга, в прошлом году он умер. Так вот, он объявил военное положение в Польше. Фактически спас страну, но определенная часть населения его после этого ненавидела и не простила ему это. Однажды, он мне это сам рассказал, с ним был такой случай: он подписывал читателям книги своих мемуаров, и к нему подошел якобы читатель и под видом книжки ударил его двумя кирпичами по голове. То есть люди, когда идут на крайние меры, должны понимать, что это не шутки, это не девочки с мальчиками на танках. Это был фарс какой-то. Они, к сожалению, ускорили развал Союза.

– *Закончить беседу хотелось бы личным вопросом: может быть, вы жалеете о чем-то сделанном тогда, может что-то хотели изменить?*

– Мне 85 лет, у меня была сложная, но достаточно интересная жизнь. Я люблю читать философские книги, а они говорят, что самое великое таинство для человека – смерть, и что ценить нужно каждый прожитый день. Я считаю, что таких великих таинств три: смерть, разум и мир. Загадкой для меня остается, что такое бесконечность, уверен, для многих тоже, ведь все, что нас окружает, – конечно. Говорят, Вселенной многие миллиарды лет, а я не могу понять, что такое Вселенная, ну не укладывается у меня это в голове. Вот о чем я думаю и каждый день говорю спасибо, что Бог дал мне еще день жизни. Поэтому ни один день моей сложной жизни я не проклинаю и не жалею. Я хотел бы, чтобы мои родители снова появились, чтобы вся моя семья снова была вместе, чтобы я поумнее был, чтобы хорошо отличал друзей от недругов. Я не воцерковленный человек, хотя и построил храм, но считаю, что слишком долго увлекался материалистической философией. Она говорила нам, что материя первична, но теперь я понял, что главное – это душа.

Беседовал Алексей Сочнев

«Время собирать камни...»³

Николай Иванович Рыжков, последний премьер-министр Советского Союза, фигура, безусловно, историческая. Он является тем человеком, который из последних сил пытался удержать от развала советскую экономику. Н.И. Рыжков довольно редко дает интервью, и тем значимее его слова о прошлом, настоящем и будущем нашего народного хозяйства.

– *Николай Иванович, в 1980-х годах вы стояли во главе группы по подготовке реформ экономики Советского Союза. Не кажется ли вам, что сегодня ситуация несколько схожа с той и стране снова требуются радикальные экономические и политические реформы?*

– Да, действительно, я стоял у истоков разработки новой экономической модели нашей страны. Если говорить более четко, то инициатором этих реформ был Юрий Владимирович Андропов, который за две-три недели перед тем, как поставить такую задачу, был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС после Брежнева. Он пригласил меня, пригласил члена Политбюро Михаила Сергеевича Горбачева, Владимира Ивановича Долгих, кандидата в члены Политбюро, и поставил задачу в конце концов разобраться, куда нам дальше идти в экономике, сформулировать новую экономическую модель. Вот так мы начали работать.

Работали до смерти Андропова и после, затем, уже во времена Горбачева, многие из элементов этой работы – да практически вся работа – была взята на вооружение Горбачевым. В конечном итоге это получило название «Перестройка».

Перестройка касалась в первую очередь экономики. В то время, в 1985 году, никто даже не думал, что надо что-то менять не в экономике, а в государстве, менять строй, государственные устои. Но, когда стали глубже прорабатывать все вопросы, сложились очень большие противоречия в подходах. К сожалению, Рыжков со своим правительством оказался в эпицентре всех этих событий, между двумя жерновами.

С одной стороны были радикально настроенные ученые – некоторые из них до сих пор живы, причем часть из них даже поменяла свою точку зрения на прямо противоположную. Они говорили, что это не те реформы, что мы действуем постепенно, а надо – сразу. Как выразился один известный тогда деятель, «собаке хвост надо рубить сразу, а не по частям». Другие же, особенно партийный аппарат из областей, да и в ЦК, очень настороженно отнеслись к реформам. «Зачем это нужно, страна работает нормально, живет нормально, для чего надо проводить над ней какие-то эксперименты».

Была создана целая бригада ученых, по-моему, человек десять академиков и двадцать докторов наук. Мы, конечно, все глубоко прорабатывали. И когда мы вышли в Верховный Совет, то доложили три варианта, которые могут быть осуществлены при модернизации экономики.

Первый вариант – это наиболее ускоренная, очень быстрая модернизация, осуществляемая за несколько лет. Но этот путь влек за собой очень большие издержки и в жизни народа, и государства в целом. Второй вариант более «мягкий», но и он сильно затрагивал социальные интересы людей. Третий вариант был, по нашему мнению, наиболее умеренным. Он растягивался лет на восемь, постепенно, шаг за шагом, чтобы проводить реформы без особых потрясений. Вот такие мы выработали позиции и подверглись очень резкой критике. Еще раз повторяю: критика была и с той, и с другой стороны.

Но дальше все пошло к тому, что на 19-й партийной конференции Горбачев вышел с предложением модернизировать и политическую государственную власть в нашей стране. Мы предлагали сначала решить проблемы с экономикой, потому что реформы экономики

³ (Цит. Кн. Екклесиаста, гл. 3.) Использовано интервью «Николай Рыжков: «Я против радикальных реформ» журналисту Марии Орловой с согласия журнала «Бизнес Территория» № 3 (50) август-ноябрь 2014 г.

всегда чреваты серьезными потрясениями, какие бы ни были изменения – мы знали это по другим странам мира. Поэтому государство должно четко и успешно выполнять свои государственные функции. Никаких колебаний не должно быть, необходима твердая государственная власть.

К сожалению, победила точка зрения Горбачева и иже с ним, команда таких, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе и еще ряд товарищей, которые говорили, что, мол, нет, без изменения основ государства, без изменения роли партии ничего не получится, это все впустую, надо обязательно начинать политические реформы.

Вскоре появилась и программа «500 дней», которая, на мой взгляд из нынешних времен, была идиотизмом высшей степени. Если бы сегодня кто-нибудь такую программу предложил, да еще вышел с ней на трибуну, его бы сняли и забыли, что он такой есть. Это действительно несерьезный документ, согласно которому за 500 дней делается поворот от экономической модели плановой экономики на рыночную. Когда страна абсолютно не была готова, у нее не было таких институтов, которые управляли бы новой экономикой. Есть Госплан, он при рыночной экономике должен менять свои функции. Есть Госснаб, он тоже очень резко должен менять свои функции. И так далее. Банки, например. Было два банка всего лишь...

Когда прошло несколько лет, Явлинский, который был у истоков этих «500 дней», поехал в Америку, и там ему разъяснили: господин Явлинский, надо 8 – 10 лет, чтобы все это сделать. Мы ему говорили о таких же сроках, но он нас не слушал. Но американцев он услышал, согласился с ними...

То есть мы прекрасно понимали, что, для того чтобы перейти на новую модель экономики, нужны постепенные эволюционные процессы. И за это время готовить платформу для новой модели. Но, как говорится, на нас «спустили собак», заявили, что, дескать, Рыжков – консерватор, «бревно на пути перестройки». В общем, каких только эпитетов я не получал в 1990 году. Люди сегодня забыли, но я-то не забыл, все это отразилось на мне, и очень сильно.

Тогда творилось такое нарушение всяких правил, законов – сейчас, если бы все это происходило, все эти люди получили бы минимум лет по 15.

Поэтому я бы вот так вопрос резко не ставил о «радикальных экономических реформах». Еще раз повторю: мы уже наделали глупостей с радикальными экономическими решениями, когда в январе 1992 года Ельцин с Гайдаром отпустили цены, а до этого за две недели объявили об этом. Люди-то – барометр безотказный, они сразу сориентировались: ах, будут отпущены цены, так надо закупить макароны, соль, спички и т. д. Зачем же нам покупать все в несколько раз дороже. Расхватали все, что только было можно. И, когда сегодня показывают пустые прилавки, ни у кого не набирается не то что смелости, а порядочности сказать, что эти кадры были сделаны как раз в эти две недели, когда все смели до основания. Сегодня кажется, как будто советское руководство довело до такого состояния.

Радикальные реформы, которые Борис Николаевич Ельцин осуществил, – что они нам принесли? Лихие 90-е годы, когда пошла гиперинфляция, когда по полгода старики не получали пенсию, когда доктора и профессора начали с клетчатými сумками ездить заниматься спекуляцией, когда преподаватели и студенты в одном подземном переходе торговали книжками, чтобы заработать три копейки, когда бабушка выходила и покупала пачку сигарет, а потом продавала по одной штуке... Страну в 90-е годы довели до крайней степени унижения, я уж не говорю, что ее разграбили. Господин Чубайс, господин Гайдар... Им можно предъявить много претензий. Но вообще руководитель-то у страны был, господин Ельцин. И, если он был вменяемый, значит, это происходило с его согласия. А если он был невменяемый, значит, ему нельзя было давать бразды правления в нашей стране.

Они же прекрасно знали, какое в стране положение, и тем не менее продолжали такую линию. И вы знаете, что в 1998 году произошел дефолт как закономерный итог такой политики.

Поэтому я бы не говорил, что радикальные реформы нужны. Но реформы, да, крайне необходимы. И об этом очень много пишут и говорят. Смотрите, вот уже второй год идет замедление роста ВВП, в этом году был рост 1 %, в прошлом, по-моему, полтора процента. Спрашивается, почему? Вот в 2008 году мы понимали, что был мировой кризис, он охватил все и, естественно, захватил нас, потому что мы интегрированы сейчас очень сильно в мировую экономику. А что здесь и сейчас происходит?

Мир развивается нормально, Америка и Европа развиваются нормально, с плюсами, мы же второй год ползем почти на нулевой отметке.

А происходит это потому, что мы, как говорится, добрались до доньшка тех мощностей, которые сохранились с советских времен. Вы знаете, многие мощности вообще не сохранились, они, как говорится, «ушли в мир иной», разграблены и даже снесены. Но некоторые предприятия работают, и вот они еще давали какую-то продукцию. И наступил момент, когда они дальше не могут ничего дать.

Когда были «тучные годы», а начало 2000-х, без сомнения, было такими годами, когда нефть была очень дорогая, и деньги можно было откладывать, их начали откладывать, – но только на черный день, в другие страны, под мизерные проценты. Потом мы берем эти же деньги оттуда под большие проценты. Конечно, доброму хозяину нужно иметь запас – если что случится, будем держаться на этих деньгах. Но зачем же держать без движения в других странах огромнейшие деньги? Сейчас только мы начали слышать о том, что их намерены тратить то на мост, то на дорогу. Начинают распечатывать эти фонды.

И непонятно, а почему нельзя было это сделать несколько лет назад, когда Кудрин был во главе экономической политики России? Мы говорили: зачем вы это делаете, уводите деньги из страны, когда в стране такое положение – износ оборудования в промышленности составляет 70 %. Но Кудрина называли «самым лучшим министром финансов мира», хотя, я думаю, может, он, как счетовод, и действительно лучший в мире, но как финансист, как глубокий экономист, – очень сомнительно.

Когда говорят о «радикальных реформах» (может быть, это у меня реакция такая на прошлые радикальные реформы), я боюсь, что мы снова начнем ломать дрова. Сколько лет мы бились за то, чтобы реанимировать хотя бы элементы планирования. У нас же нет планирования. Государственные целевые программы, 30 или 40 штук, каждая отдельно ведется, – они не сведены в единое целое. И вот только-только сейчас появился закон о планировании.

Постепенно вводятся какие-то элементы, но этого недостаточно. Поэтому я бы считал, что правительству надо все-таки больше прислушиваться к людям, встречаться с ними, с директорами заводов, с академическими исследовательскими институтами – пусть они подскажут, они же патриоты и хотят добра своей стране. Думаю, если бы был такой диалог, он бы принес очень большую пользу.

– *Был ли у СССР шанс провести реформы без «шоковой терапии», а эволюционным путем?*

– Безусловно, был. И я был не только одним из авторов той концепции – я до сих пор глубоко убежден, что надо идти именно по этому пути. Страна не была готова к революционным изменениям. Разрушение всего всегда несет бедствия народу, поэтому я был сторонником эволюционных изменений. Но в то время у нас в стране формировались две позиции. Позиция, о которой я сейчас говорю, и вторая, настаивающая на необходимости шоковой терапии, так называемых радикальных реформ. Когда говорят о «шоковой терапии», приводят примеры Польши, других стран. Но у нас вопрос во многом вышел за рамки экономики и стал политическим. Велась борьба за власть.

Среди сторонников радикальных реформ были люди, которые брали на вооружение западные экономические модели, но они глубоко заблуждались и плохо представляли жизнь страны. Это люди, которые получили образование, но никогда не работали на производстве, а только лишь в журналах и институтах. Все их знания были теоретическими, почерпнутыми из книг, в основном американских, таких, как труды нобелевского лауреата Милтона Фридмана, которые наши реформаторы взяли на вооружение.

Мы предупреждали, что страна не готова. Но произошло то, о чем я говорил, отвечая на первый вопрос. С января 1991 года страна вошла в цикл революционных реформ. Мы получили гиперинфляцию, потеряли темпы развития, потеряли в жизненном уровне населения. Лихие 90-е явились следствием шоковой терапии.

Кстати, Китай пошел именно эволюционным путем. Они вели реформы взвешенно, шаг за шагом. Я много раз беседовал с китайскими товарищами, они рассказывали, что, мол, «вот этот вопрос мы решили, а с этим пока подождем, следующий вопрос будем решать по мере того, как он будет созреть».

– *Политика и экономика: что важнее? Почему в России политика часто наносит ущерб экономике?*

– Сложный вопрос. Действительно, это ахиллесова пята нашей жизни – и в Советском Союзе, и сейчас в России. Если взять западные страны, там политические колебания меньше отражаются на экономике. Возьмите, допустим, Италию. За послевоенный период, может, я ошибаюсь, но там поменялось 60 или 70 правительств. А экономика Италии развивается, потому что она действует по определенным законам, определенным положениям, которые глубоко взвешиваются, пусть с дракой, но принимаются парламентом, а дальше политическая элита меняется, в то время как экономика живет по своим законам. Нечто подобное происходит и в других странах.

Сейчас очень тяжелое положение на юго-востоке Украины, в Донецкой и Луганской областях, местах, где я родился и вырос. И на Россию из-за того, что мы решили вопрос с Крымом, который мы просто обязаны были решить, сыплются санкции – мы уже не знаем, с какой стороны следующие санкции прилетят. Я уж не говорю о запрете выезда: ваш покорный слуга в числе первых попал во все списки, которые только существуют. Я знаю, что в той же Германии бизнес не поддерживает политику и считает, что надо несколько остепениться, прежде чем принимать новые санкции в отношении России. Ведь эта проблема имеет два конца. Она бьет по нашей экономике, но бьет и обратную сторону.

У нас же, начиная с 1917 года, политика была впереди экономики. Ленин сказал, что «политика – это концентрированная экономика». НЭП введен политическим руководством, индустриализация начата политическим руководством, коллективизация, послевоенное восстановление страны... Все задачи ставило политическое руководство, и ему подчинялась экономика.

И сейчас, когда, казалось бы, перешли на новые методы, на новую экономическую модель, можно было бы максимально использовать экономические законы, экономические положения для развития государства. Но мы видим, что практически страна живет в ручном управлении. Основные принципиальные решения о развитии экономики в том или ином направлении принимает президент страны. Правительство находится немножко в стороне, оно является таким чисто техническим органом, который осуществляет реализацию идей президента.

Естественно, возникает вопрос, почему мы отличаемся от общемировой практики в отношениях между экономикой и политикой? По-видимому, одна из причин – менталитет нашего государства, испокон веков у нас была единоличная власть – царя, руководителя, определяющего все. Советская власть переняла такие методы. И нынешняя Российская Федерация унаследовала эти методы от Советского Союза. Хотелось бы, чтобы все было по-

другому, чтобы работали законы, чтобы четко и ясно было известно, что ждет экономику независимо от политической воли того или иного человека.

Я думаю, что одна из причин, почему это не так, – то, что у нас нет сегодня по-настоящему гражданского общества.

В других странах оно есть. Если в Южной Корее упал мост, то через два дня со своего поста уходит министр, который в то время отвечал за строительство моста. Или в Германии, когда происходит, по нашим масштабам, мелочь: политик, используя свое служебное положение, поехал на недельку отдохнуть, и ему оплатили дорогу и проживание – такой политик фактически заканчивает после этого свою политическую карьеру. Потому что общество ему не простит, пережует его и выплюнет пуговицы.

У нас такого сегодня нет. Но рано или поздно мы придем к тому, чтобы экономическая жизнь страны не зависела от политических влияний. Борьба политических сил всегда была, есть и будет.

К сожалению, экономика часто становится заложницей в этой борьбе. Но будем надеяться, что все придет в другое русло.

– В какой степени экономика России, ее промышленность должны быть интегрированы с миром, встроены в глобальную мировую экономику? Как уйти от сырьевой экономики?

– Я считаю, что, когда мы находимся в тесной взаимосвязи с зарубежными странами, когда мы очень сильно интегрированы, надо помнить, что пуповина, которая связывает нас с миром, состоит в основном из газа, нефти, леса, в некоторой степени металла. Очень мало других видов импорта. Поэтому надо четко представлять, что надо делать, чтобы сохранить устойчивость экономики.

Мы не можем все время смотреть на Запад: если у них есть спрос на наше сырье – хорошо, у них промышленность зашаталась – значит, и мы зашатались. Это примерно как в 2008 году, когда мировой кризис пошел, он очень сильно затронул и нас.

Я не за то, чтобы отгораживаться от всего мира. Но за то, чтобы мы были со всем миром на равных. Я всегда говорил, что это лукавство: в конце 80-х – начале 90-х годов, когда шло разрушение СССР и советской экономики, наивные люди (а может, некоторые делали это специально, зная будущий результат) призывали – давайте мы сейчас сбросим ненавистную нам систему, Запад откроет нам объятия, и будем жить в шоколаде. Мне нет необходимости говорить, что это блеф. Никто на Западе нас не ждал. Если говорить откровенно, и ждать не будет. Им нужны наши нефть, газ, лес, тот же металл, который мы направляем за рубеж в качестве полуфабриката, и они, не нарушая своей экологии, делают из него настоящий прокат. Вот такие нужны мы им.

С каждым годом все больше убеждаюсь, что политика Запада именно такая. Можно привести десятки примеров, десятки публикаций: и Збигнева Бжезинского, и других таких же политологов, которые ясно говорят, что им от нас надо. В свое время Мадлен Олбрайт заявляла, что владеть Сибирью одной России – неправильно, дескать, Сибирь – общемировое достояние. И это ведь слова госсекретаря Соединенных Штатов, политика страны, которую она представила.

Мы не нужны Западу в виде равноправных партнеров, они все время будут проводить свою политику, направленную на сдерживание развития у нас в стране тех видов производства, которые есть у них, – чтобы не создавать конкуренцию. Не надо воссоздавать «железный занавес», но давайте разберемся, посмотрим, что нам надо делать у себя в стране, чтобы, интегрируясь в мировую экономику, защищать свои национальные интересы.

К примеру, возьмем те же лекарства. Человек молодой не знает этой проблемы, а все остальные просто кричат, что лекарства очень дорогие. К тому же 80 % лекарств мы поку-

паем за рубежом, 20 % мы производим у себя, но основу для них, как правило, мы тоже покупаем за границей. Фактически мы находимся на лекарственной игле.

Когда реализовывались четыре национальных проекта, которые курировал Дмитрий Анатольевич Медведев в качестве первого заместителя председателя правительства, я вспоминал, что такие масштабные проекты были и в советское время. Только назывались по-другому: программа освоения Сибири, программа строительства дорог Нечерноземья или программа развития Казахстана. Разрабатывая такие проекты, умные люди должны все просчитать: какое сегодня состояние отраслей, какие решения нужно принять, что должно быть в этих отраслях через пять лет, через десять лет. Например, через 10 лет мы будем независимы от поставок лекарств с Запада. Конечно, может быть, какие-то особые препараты надо будет закупать, но основную массу надо производить самим.

А возьмите те же продукты питания. Только ленивый в течение этих 20 лет не говорил, что нельзя, чтобы страну кормили из-за рубежа. Россия же не маленькая страна, которую можно гуманитарной помощью накормить. Мы будем в зависимости, а ведь самим себя обеспечить продовольствием позволяет и земля, и ее количество, и наша наука, и наш народ. Несколько лет назад Медведев в своем выступлении сказал, что мы, мол, накормим полмира.

Я, конечно, тогда подумал: надо сначала накормить себя, а потом уже – весь мир.

Минимум 40 % продовольствия мы получаем из-за рубежа. Сейчас принято решение отказаться от закупки определенных продуктов питания из Европы, США и Канады. Сразу же поднялся крик, но, насколько мне известно, сельхозпроизводители положительно оценили это решение. У нас можно выращивать почти все, но надо по-настоящему развивать хозяйство, хранение, переработку и т. д.

Очень много вопросов, которые решать можно, но, к сожалению, они плохо решаются. Поэтому в качестве первого шага, я считаю, надо четко определить, что мы будем делать сами и где мы будем интегрироваться с зарубежными странами.

Ясно, что кофе нам придется покупать всегда, пальмовое масло тоже, кокосы, бананы... Есть ряд продуктов, которые у нас не растут. Но в остальном мы обязаны накормить народ сами.

На нашей памяти другие страны решали эту проблему. Возьмите Китай. Полтора миллиарда населения, еще 20–30 лет назад там не могли прокормить людей, не хватало зерна. Или народ Индии – это очень интересная страна, с тысячелетней культурой, тесно связанная с нашими предками, арийцами – 20–30 лет назад там была сплошная беднота, страшное расслоение общества. Сегодня они провели «зеленую революцию», решили проблему голода. То есть все можно сделать, но надо четко и ясно понять последовательность шагов. Самое главное – понять, какую цель мы преследуем.

Надо выделить отрасли, какие нам надо развивать и какие, может быть, не стоит развивать. Мы живем в глобальном мире, и надо осознать, если мы где-то, например, в производстве бытовых компьютеров, сильно отстали, надо ли нам тратить силы, чтобы их производить? Есть отрасли, на которые не стоит затрачивать финансы и время, а нужно просто решить, что данный товар мы всегда будем покупать. Так весь мир делает, в этом нет ничего страшного.

Когда мы вступали в ВТО, – я тогда был еще депутатом Государственной думы, – мы задавали господину Грефу, который в то время был министром экономического развития, такой вопрос. Вот мы 16 лет вели переговоры по поводу вступления в ВТО; знаем, как другие страны готовятся к вступлению в ВТО, у нас перед глазами пример Китая, который несколько раньше начал вести переговоры. Мы знаем, что параллельно в Китае проводили мероприятия, чтобы встретить условия ВТО во всеоружии, чтобы конкуренция не задавила ряд отраслей. Эта работа шла 10–20 лет. Я спросил Грефа, ведется ли такая подготовка у нас. Он ответил, что, мол, вот вступим в ВТО, там будет видно, кто погибнет, а кто выживет.

Мы попытались объяснить ему, что уже испытали подобное во время шоковой терапии. Но нас опять не услышали.

Вернусь к вопросам планирования. Не потому, что я когда-то работал в Госплане СССР, и не потому, что я воспитался, начиная с завода и заканчивая постом председателя Совета министров СССР, на определенных правилах. Я знаю и сильные, и слабые стороны планового хозяйства. Некоторое количество лет я работал первым заместителем в ранге министра у Николая Константиновича Байбакова, председателя Госплана, и прекрасно видел, что в этой сфере не все благополучно.

Не нравится слово «Госплан» – назовите его как-то иначе. Но плановые начала в экономике необходимы. Я не за то, чтобы возродить советское планирование, – это не нужно. Но оставлять народное хозяйство без руля и ветрил тоже не годится. Мы должны сказать, что, допустим, угля нам нужно столько-то миллионов тонн в год, – и это будет ориентир для производителей, для тех, кто будет вкладывать деньги.

Плановые начала в экономике, кстати, существуют в Японии, во Франции, в других странах. Даже крупные корпорации, такие как «Боинг», «Дженерал моторс», они что, без плана работают? У них планирование на 15 лет вперед, это позволяет бросить конструкторские силы на самые перспективные направления.

И только недавно Россия приняла закон о принципах планирования. Это первый шаг, пусть рамочный, но в нужном направлении.

Что мы принимаем в парламенте? Трехлетний бюджет. Мне всегда казалось это неправильно, три года явно недостаточно. Наша советская практика показала, что пятилетка – оптимальный срок для планирования. Есть простор, но видны границы. Да и политическая жизнь страны меряется пятилетками – и тогда, и сейчас. На вопрос, почему используется именно трехлетний горизонт планирования, – ответа нет.

Почему не утверждаются два плана – план развития экономики нашей страны и план развития финансовой системы? В советское время всегда было два доклада. Общий доклад о планах на пятилетку делал я, на съезде Компартии. А годовые планы были отдельные: Н.К. Байбаков докладывал о развитии экономики и промышленности, а, допустим, В.Ф. Гарбузов, министр финансов, докладывал о финансах. Утверждали направления, по которым надо идти экономике, и тут же – как обеспечить финансами. Я не понимаю, какие политические мотивы могут препятствовать этому. Надо отличать политические мотивы от реальной жизни.

Мы очень талантливый народ, у нас талантливые кадры, образованное общество, хорошие инженеры, ученые с большим кругозором, и, конечно, мы достойны лучшего, чем быть «сырьевым придатком» мировой экономики.

– Как вы оцениваете современное состояние промышленности России по сравнению с советским периодом?

– Я считаю одной из бед нашей экономики падение промышленного производства. То, что создавалось перед войной, бурно развивалось в послевоенные годы, во многом потеряно. Возьмите станкостроение. Сколько мы производили станков в год? 70–80 тысяч. Сегодня мы производим единицы. Другие виды производства, допустим, химическое производство. Мы занимали 2-е место в мире, сейчас – 22-е. По промышленности мы очень сильно упали, и основная причина падения – результаты работы Гайдара и его команды, которые взяли на вооружение теорию Фридмана, где было сказано: давайте все будем делать через деньги, через финансы. А остальное рынок расставит сам по себе – что-то умрет, что-то будет жить. Эта теория привела к тому, что 10–15 лет страна не думала о производстве. Думали только о финансах, каждое утро начинается с того, сколько стоит баррель нефти, какие индексы на тех или иных биржах. Очень интересно бабушке слушать по радио, какой сегодня индекс РБК!

Мы знаем, в 2008 году, когда лопнул финансовый мыльный пузырь, – он лопнул потому, что в течение долгого времени вместо того, чтобы развивать реальную экономику, «надували» финансовый рынок. То есть и на Западе такое отношение себя не оправдало.

Многие ведущие предприятия страны были уничтожены. Возьмите мой родной «Уралмаш». При мне на головном заводе работало 43 тысячи человек. Когда я уезжал, в целом в объединении трудилось 52 тысячи. Сегодня завода нет. Каха Бендукидзе по образованию биолог, никакого отношения к машиностроению не имевший, там такого натворил! Завод – это единый организм: голова, кровеносные сосуды, руки, ноги, мозг. Он все расчленил, конструкторов передал в Череповец, металлургическое производство закрыли... От завода практически ничего не осталось. Только ордена. Я считаю это недопустимым. «Уралмаш» был флагманом нашей тяжелой промышленности, придет время, все равно он будет возрождаться. Но сколько потребуется сил! А ведь там были кадры, были традиции, опыт – все было.

И если бы только один «Уралмаш»! К сожалению, таких примеров много. Промышленностью толком никто не занимался. Когда господин Чубайс объявил приватизацию, то, конечно, стали хватать самые жирные куски. И не потому, что собирались поднять производство, выпускать продукцию. Основная цель была купить, а потом перепродать. Не получилось перепродать завод – продавали станки, снимали с фундамента, резали.

Я считаю, что было совершено серьезнейшее преступление перед промышленностью. И оно дорого обойдется. Рано или поздно мы будем все восстанавливать, потому что страна не может жить без промышленности.

– Оправдана ли ставка на военно-промышленный комплекс как на «локомотив» экономики? Ведь есть мнение, что даже Советский Союз, с его гораздо более мощным потенциалом, не выдержал гонку вооружений.

– В советское время военно-промышленный комплекс был главной мобилизующей силой промышленности. Там были самые лучшие кадры, самые лучшие технологии, самая лучшая наука. Мы прекрасно знаем наших оружейников: и Петрова, и Грабина, и Шпагина, и Дегтярева, знаем Курчатова, Королева. Это те люди, которые создали мощь нашего государства.

Одно из наших упущений – надо было передать опыт военно-промышленного комплекса, технологии, организацию на гражданское производство. К сожалению, плановая система не позволяла более творчески брать какие-то наработки с одного завода и переносить на другой завод. Мы надеялись, что, когда начнутся рыночные отношения, конкуренция заставит искать новые решения. Но, к сожалению, мы ошиблись, ничего подобного сегодня тоже нет.

Удар в 1990-х годах по военно-промышленному комплексу был очень сильный. Я считаю, что это был сознательный удар. Кому – Америке надо, чтобы у нас был сильный ВПК? Или Европе? Они что, будут ничего не делать, смотреть и даже помогать? Им не нужен был наш ВПК, и ясно, что им надо было в первую очередь уничтожить его.

Мы знаем, что наши зарубежные «доброжелатели» в первую очередь бьют не по отраслям типа легкой промышленности, а именно по таким принципиальным вещам.

Вот как получилось: мы – необъятная страна, где нет нормальных дорог, и, может, еще через сто лет не будет, на Крайнем Севере и т. д. Раньше летали на самолетах, это был основной вид транспорта. А сегодня этот транспорт на 65 % не наш – мы покупаем подержанные «боинги» и «аэробусы», 95 % пассажиров перевозим иностранной авиацией. Своих самолетов выпускаются единицы. Вы посмотрите, «Суперджет», который сейчас начал летать, – сколько лет мы его делали? Лет десять?

Сегодня у ВПК, на мой взгляд, появилось второе дыхание. Мы знаем, что многие предприятия военно-промышленного комплекса, которые несколько лет назад просто погибали,

сейчас работают, у них имеются заказы. Там обновляются технологии, формируются кадры. Видимо, высшее руководство сделало вывод, что дальнейшее ослабление обороноспособности – речь не только о состоянии ВПК, но и об управлении, мы знаем деяния бывшего министра Сердюкова и его команды – приведет к потере политической независимости.

Надо приветствовать это второе дыхание. Речь идет не только об обороне, а о нашем экономическом потенциале.

Я не могу согласиться с утверждением, что мы, мол, проиграли по вооружениям, – ничего мы не проигрывали. Благодаря тому, что есть ядерное вооружение, мы 70 лет живем без войны. Если говорить откровенно, гонка вооружений нужна была Западу. Разве можно считать нормальным, что не прошло и года после Великой Отечественной войны, как в Фултоне Черчилль объявил холодную войну? Зачем это было сделано? Что, эти люди не понимали, что Советский Союз не в состоянии думать о третьей мировой войне, что страна лежит в руинах, что мы потеряли 27 миллионов трудоспособного населения? И тем не менее началась холодная война. Зачем? Чтобы нас вымотать, измотать нашу экономику, чтобы мы в максимальной степени направляли свои усилия на создание вооружений, военно-промышленного комплекса. Раз усилия направляются туда, то в гражданском производстве, в социальной сфере мы теряем – по принципу сообщающихся сосудов. А им как раз это и нужно было. Пусть мы делаем танки, зато не хватит сил на дороги, на жилье. Это была огромнейшая целенаправленная работа, которая с 1945 года по 1980-е годы велась. Лет 30–40 нас мотали. И все эти годы мы вынуждены были держать руку на пульсе ВПК.

– Способны ли дать стимул экономике мегапроекты, такие, как Сколково, прошедшая Олимпиада в Сочи, строительство Керченского моста?

– Если говорить о мегапроектах, у меня есть личное мнение. В свое время, несколько десятков лет назад, Китай создавал особые экономические зоны. Их назначение было – стать инкубаторами тех идей и решений, которые необходимы для всей страны. Учитывая высокую организацию китайского общества, эти проекты сыграли на развитие экономики. Были и у нас попытки сделать особые экономические зоны, но, по-моему, из этого практически ничего не получилось, как правило, это были коррумпированные территории, где прятались от налогов, где были всевозможные ухищрения. Эти зоны не стали генераторами новых идей, технических и организационных решений нашей промышленности. Поэтому надеяться, что появятся специальные города, территории, которые покажут, как надо работать, – думаю, бессмысленно. У нас было огромное количество институтов, особенно в сфере ВПК. Ведь надо было не разрушать их, не выгонять кадры, чтобы они с клетчатыми сумками ездили в тот же Китай зарабатывать на кусок хлеба. Надо было сохранить этот потенциал, который был движущей силой развития страны. Но мы этот потенциал угробили.

Я не понимаю, почему Сколково должно дать стране больше, чем, допустим, Пущинский научный центр РАН, другие научные центры, которые еще есть. Зачем нам создавать в чистом поле институты, жилье и т. д.? Мне кажется, это не очень продуманное решение. «Давайте создадим инкубатор самых великих свершений, и вся страна пойдет по этому пути, щелкнув каблучками». Я не верю в это дело. Но есть огромное количество других, как их называли раньше, «маяков».

В отношении Керченского моста: я бы не относил этот проект к «маякам» развития экономики. Это социальный проект, геополитический. Если Крым – наш, и туда по другому пути не добраться, значит, надо строить пути, чтобы ходили поезда, автотранспорт, возможно, чтобы обеспечить подачу воды. Мы не можем оставлять проблемы, которые связаны с приобретением Крыма, нерешенными. Когда Крым был в составе Советского Союза, такой мост не был нужен. А сейчас, учитывая ситуацию с Украиной, это вынужденная мера.

– Могут ли санкции Запада дать шанс развитию экономики, мобилизовать отечественного производителя, способствовать решению административных проблем?

– Я считаю, что жупел санкций, который применяет США на протяжении многих лет, не то что устарел, а стал каким-то трафаретным. Можно сразу сказать, что как только происходят какие-то политические изменения в мире, которыми Запад не очень доволен, обязательно ждите санкций. Первые санкции на моей памяти – в 1979 году, когда мы ввели войска в Афганистан. Тут же Америка и Европа объявили нам эмбарго на поставку труб для газопроводов, на поставку компрессоров, другой аппаратуры для газовой промышленности, которая в то время очень активно развивалась, – мы прокладывали пути на Запад, чтобы иметь валюту.

Всякое эмбарго для нашего менталитета – и у руководства, и у народа – имеет мобилизирующее действие. Мы мобилизуемся только тогда, когда появляется какая-то угроза, это было и в советское время, и в царское время, и раньше, при великих князьях.

В данном случае санкции – это экономическая опасность. И поэтому было бы трудно ожидать, что реакция у нашего народа будет такая, что, дескать, «ах, ради бога простите, мы будем хорошими, только, пожалуйста, не накладывайте санкции». По сельскому хозяйству я говорил, что агропромышленный комплекс выражает готовность к импортозамещению, надеясь, что теперь их продукция будет востребована. Я уверен, что и другие виды производства будут развиваться, чтобы уйти от этой зависимости.

Наши «партнеры» очень сильно повторяются. Посмотрите, 1979 год, прошло 30 с лишним лет, – а они все идут по той же дороге. За эти 30 лет Советский Союз и современная Россия ни разу не накладывали ни на кого санкций. А ситуации были разные.

На моей памяти, когда было еще две Германии, ФРГ и ГДР, получилось так, что пошла большая пикировка между Г. Колем и М. Горбачевым – сначала на политическом поле, а потом дошло до личных оскорблений. У нас тоже были такие люди, которые сказали: давайте перекроем газовую задвижку, и пусть они посинеют от холода. Я и многие другие были против. Политика есть политика, сегодня ругаются, завтра мирятся. А если мы перекроем газ, то это будет навсегда. В Германии найдут другой источник, и мы очень много потеряем. И мы тогда сказали, что нельзя политические колебания переводить в экономическое ущемление других стран.

Что касается нынешних санкций, я думаю, что для народного хозяйства это стимул. Хотя, естественно, работа будет большая.

Пример из советского опыта. После 1979 года мы в течение года-полтора построили в Челябинске огромный цех по производству труб большого диаметра для газопроводов. В Свердловске на турбомоторном заводе организовали изготовление компрессоров. И так далее. За полтора года мы построили мощности и начали выпускать это оборудование. И через два-три года, когда кто-то приехал с Запада, а я уже был главой правительства, меня спросили, как, мол, эмбарго? Я ответил шуткой: «Спасибо вам за эмбарго, мы долго бы раскачивались, а вы подтолкнули нас». Так что учтите – на короткие дистанции наша страна бежит очень хорошо. Иногда нам не хватает какого-то стратегического движения на длинных дистанциях.

– *Спасибо, Николай Иванович, за ваши ответы и за то, что поделились с нами бесценным опытом. Здоровья вам!*

Часть вторая

Можно дурачить часть народа все время; можно дурачить весь народ некоторое время; но нельзя дурачить все время весь народ.
А. Линкольн

Рождение политических миниатюр

В этом году будет уже 20 лет, как я знаю Николая Ивановича. В далеком 95-м он был избран депутатом Госдумы, где возглавил депутатскую группу «Народовластие», а я пришла в палату в качестве парламентского корреспондента от агентства «РИА Новости». Тогда, на протяжении работы Думы второго созыва, у Николая Ивановича я взяла лишь несколько интервью... Через какое-то время, когда я работала в информационном интернет-агентстве Regions.ru/«Новости Федерации», мы придумали проект «Тема дня» и поняли, что без комментариев Николая Ивановича нам не обойтись. К этому времени Николай Иванович был уже членом Совета Федерации от Белгородской области – председателем Комиссии СФ по естественным монополиям, членом Комитета по вопросам местного самоуправления, сопредседателем российско-армянской комиссии межпарламентского сотрудничества.

Рыжков – человек-легенда, один из авторитетнейших российских политиков 20–21 веков. Он всегда думал и думает о стране в целом. «Радуюсь я – это мой труд вливается в труд моей республики», – вспомнились мне строки из поэмы Маяковского «Хорошо», когда я начала «открывать» для себя и читателей Николая Ивановича. Это точно про него. Потому что он – государственный. Он – исполнен гражданского долга, он служит Отечеству, людям. Именно служит. Начиная с «Уралмаша», куда пришел сменным мастером, а уже в 40 лет стал генеральным директором крупнейшего завода того времени.

Биография Николая Ивановича «представляется хорошим учебником для тех, кто стремится осмыслить сложную и противоречивую действительность последних десятилетий, понять природу российской души, научиться по-настоящему любить Отечество, свой народ», – заметил как-то губернатор Белгородской области Евгений Савченко. И это воистину так. После «Уралмаша» – первый замминистра тяжёлого и транспортного машиностроения СССР, затем – первый заместитель председателя Госплана СССР, далее – секретарь ЦК КПСС, заведующий Экономическим отделом ЦК КПСС и наконец – председатель Совета Министров СССР. Возглавить правительство ему довелось в самые тяжелые перестроечные годы. Рыжков ратовал за экономические реформы, но постепенные, а не за 500 дней. Он знал, о чем говорил, – совсем недавно генсек Юрий Андропов поручил ему с командой подготовить программу социально-экономических преобразований, что он и сделал.

Будучи премьером, Рыжков принял самое активное участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, в восстановлении армянского Спитака после землетрясения. Он в одиночку погасил в Фергане вспыхнувший межнациональный конфликт между коренным населением и депортированными туда из Грузии в 1944 г. турками-месхетинцами...

Вообще жизнеописание Николая Ивановича тянет не на один солидный том. Какой это масштабный человецище, я поняла даже по его краткой официальной биографии, где отражены только годы деятельности. Признаюсь, долгое время я не решалась ему позвонить (специфика моей работы – брать интервью по телефону), боясь получить отказ. Но к моему удивлению Николай Иванович оказался очень приветливым, открытым собеседником. Более того, если по каким-то причинам он не смог сразу ответить на звонок, он сам мне всегда перезванивает! Когда это произошло первый раз, я обомлела! Сам Рыжков мне перезвонил!

(Замечу, далеко не каждый сенатор это делает.) Ко всему прочему, он хорошо воспитанный, интеллигентный человек.

С Николаем Ивановичем можно говорить долго и на любые темы: политические, экономические, социальные, международные. Слушаешь его и дивишься – сколько человек знает и помнит фактов, цифр. Практически каждое общение с ним – это экскурс в историю. «Ну наговорил я вам тут. Выберите, что надо», – иногда в конце замечает Николай Иванович. А надо-то всегда ВСЕ! Как же можно «выкидывать» слова умудренного политическим и житейским опытом человека, чей труд до сих пор вливается в труд нашей страны! А как он болеет за Россию, как переживает из-за всякой несправедливости, произвола чиновников, непрофессионализма находящихся во власти, воровства бюджетных средств, коррупции, из-за тяжести жизни простых людей, нашей сырьевой зависимости, упадка промышленности, сельского хозяйства и т. д.

И окружающие это ценят. Коллеги Рыжкова по парламенту так охарактеризовали его в интервью Regions.ru/«Новости Федерации» накануне 85-летнего юбилея. Валерий Рязанский – председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике: «Николай Иванович Рыжков относится к категории наших учителей, сразу видна масштабность личности. Николай Иванович – политический тяжеловес. К этой же когорте я отношу Евгения Примакова, Николая Ольшанского, Бориса Пастухова, Геннадия Кулика. Можно только позавидовать их мудрости, политическому долголетию, жажде жить и работать. Всем нам есть, чему у них поучиться. И, наверное, главное, надо брать с них пример в служении государству».

Владимир Гусев – член Совета Федерации (2001–2012):

«Николай Иванович – трудяга. Редко кому доводится пройти такой огромный трудовой путь. Он – профессионал высочайшего класса, образец для всех – волевой, целеустремленный. Вот если бы каждый на своей должности отдавался работе, как он – не ради собственной наживы, а ради движения своей страны вперед, Россия, действительно, ушла бы уже далеко вперед».

Анатолий Лысков – сенатор от Липецкой области (2002–2014):

«Я считаю его выдающимся политическим деятелем, обладающим огромными знаниями в сфере экономики в целом и экономики Советского Союза в частности, а также показавшим умение ею управлять как лично, так и с подобранной командой профессионалов... Если бы я не был отправлен в отставку, если бы продолжил свой парламентский путь, то как законодатель сделал бы закон “О мудрецах политического дивана” и номером один на этот диван предложил бы Николая Рыжкова».

Гаджимет Сафаралиев – председатель Комитета Госдумы по делам национальностей:

«Николай Рыжков – это величайший политик и советских времен, и современной России. Обращают на себя внимание прежде всего его принципиальность, смелость и прямота в выражении своей позиции и патриотизм. Именно такие люди как Рыжков необходимы нам и в Совете Федерации, и в Государственной Думе, особенно сейчас, когда страна переживает очень непростой для нее период. Их огромный опыт в государственной деятельности, знания и житейская мудрость как никогда нужны нам для принятия важнейших для России политических и экономических решений».

Василий Лихачев – член комитета Госдумы по делам СНГ:

«Николай Иванович «...никогда не изменяет своим принципам, мировоззрению, взглядам на жизнь. Это человек исключительной порядочности, который всегда готов прийти на помощь. Именно такие люди олицетворяют современную Россию».

Виктор Шудегов – зампред Комитета Госдумы по образованию:

«...я бы сказал, что Николай Рыжков являет собой пример образцового сенатора. Это человек, который пришел в верхнюю палату парламента не за статусом неприкосновенности и высоким положением, а чтобы не жалея сил работать на благо своего региона и всей

страны. Помню, с каким теплом в один из предыдущих юбилеев Рыжкова о нем отзывались жители Армении. Они и сейчас с благодарностью вспоминают его человечность и огромные организационные способности, проявленные при восстановлении армянских городов после страшного землетрясения 1988 года... Чувство сострадания и чуткость к проблемам и бедам людей – одна из важнейших черт Николая Рыжкова. Не секрет, что большинство наших чиновников “толстокожи” и не чувствуют, не замечают народных проблем. Николай Рыжков, который никогда не бывает равнодушен к проблемам и заботам людей, является здесь одним из немногих исключений».

Лично я считаю для себя честью и везением работу с таким человеком.

Даже в 85 Николай Иванович не теряет интереса к жизни, внимательно следит за всей прессой, активно интересуется происходящим в стране, за рубежом. У него, как и раньше, еще в советские времена, независимая позиция, он не боится говорить нелицеприятные вещи ни в адрес действующей власти, ни в адрес коммунистов, считающих его предателем коммунистических идей. Он и сейчас – за экономические реформы, против децентрализации власти, за предоставление регионам большей экономической свободы, за единую, мощную, великую страну – Россию. Он – настоящий патриот.

Рыжков ведет и активную общественную деятельность, в частности, возглавляет Попечительский совет «Прохоровское поле» – мемориальный комплекс, посвященный воинам, погибшим в крупнейшем танковом сражении Великой Отечественной войны при Курской битве, возведенный к 50-летию Великой Победы. «90-е годы были, как известно, очень сложным, переломным временем. Трудно даже дать ему оценку. Началось наступление на духовность России, на результаты войны, даже на погибших воинов, – зачем они воевали, шло извращение истории. Мы не могли с этим согласиться, не могли», – вспоминает Николай Иванович.

«Полученный от белгородцев мандат Николай Иванович Рыжков использует для совершенствования законодательной базы страны, – отметил в приветственной речи губернатор Савченко. – В своей парламентской деятельности он делает основной упор на отстаивание интересов России, ее граждан и своих избирателей, содействует решению насущных вопросов, стоящих перед нашей областью... Еще не исчерпан его творческий потенциал, реестр дел и замыслов не завершен».

Подтверждение слов губернатора можно увидеть в представленных политических миниатюрах книги «На острие проблем» Николая Ивановича Рыжкова.

Галина Амелькина

2015 год

11 января

Комментарий к статье «ЕАЭС – инструмент обеспечения национальных интересов стран, входящих в объединение, и мирового сообщества вообще».

Я обратил внимание на идею евразийской экономической интеграции еще 20 лет назад, когда впервые Назарбаев выступил с этой идеей в МГУ им. Ломоносова. И мы видим, что сегодня она нашла свое применение. Естественно, я отношусь к созданию ЕАЭС абсолютно положительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.